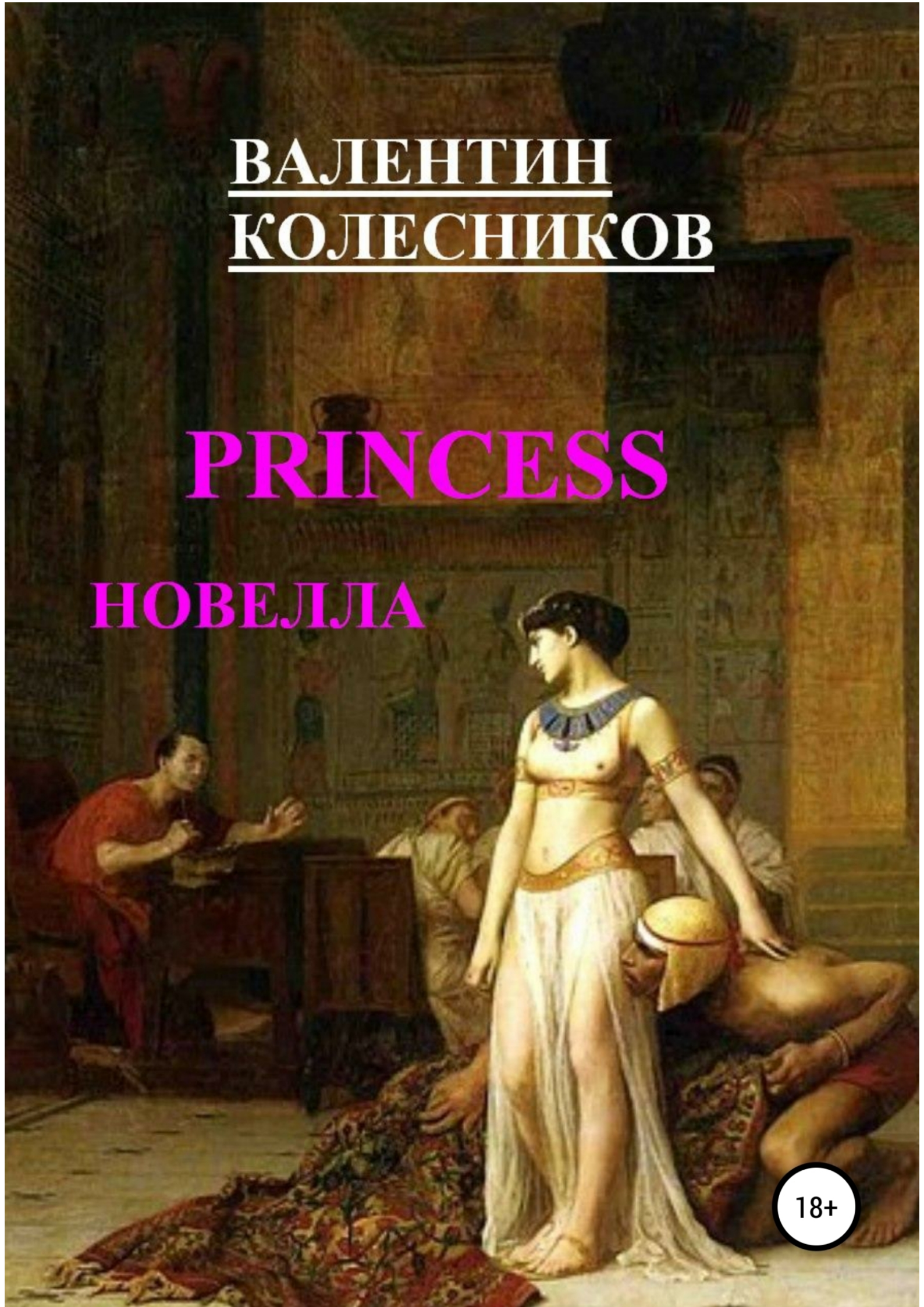

ВАЛЕНТИН
КОЛЕСНИКОВ

PRINCESS

НОВЕЛЛА

18+

Валентин Колесников
PRINCESS новелла

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Колесников В.

PRINCESS новелла / В. Колесников — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

ISBN 978-5-532-98415-8

В книге автор раскрывает секреты Клеопатры, приобретенной ею искусств в любви, как она стала непревзойдённой красавицей. Где и как она училась, прежде, чем взойти на трон Египта? То, что она узнала и, что ей удалось достичь в своём понимании соблазнительного превосходства над другими красавицами, стала, с весьма непримечательной внешностью, самой красивой женщиной-царицей в мире. Ни одна современная женщина не могла не мечтать овладеть совершенным искусством привлекательности Клеопатры....Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

ISBN 978-5-532-98415-8

© Колесников В., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	17
Глава пятая	22
Глава шестая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Валентин Колесников

PRINCESS новелла

Глава первая

Клеопатра вошла в тронную залу к отцу, когда он подписывал свои решения, что подавал ему Рабирий. Суммы внушительные значились на финансовых папирусах, которые фараон подписывал, не вникая в содержание. Вошедшая дочь терпеливо ждала у двери, когда отец, наконец, закончит подписывать папирусы и Рабирий Постум выйдет. Казалось, бесконечность стоит за спиной медлительных движений казначея, и этому не будет конца. Клеопатра не выдержала, подошла ближе:

– Отец, караван дожидается. Уже полдень, а мы договаривались отбыть ранним утром.

– Дела задержали меня, как видишь. – Птолемей с улыбкой взглянул в глаза Рабирию, в них промелькнули искорки насмешки. Полное лицо ростовщика, при этом, расплывалось в довольной и угодливой улыбке.

– Ваше божественное величие, вы уезжаете? Куда, держите путь, позвольте полюбопытствовать?

Авлет улыбнулся, выжидательно всматриваясь в маленькие хитрые глазки Постума. Тот не выдержал взгляд фараона, молча, поклонился и быстро вышел из зала.

Вызов Тео прозвучал в тот самый момент, когда Кшатр разбирал способ извлечения золота из Абсолюта (Эфира) в рукописи, остатки, которой, ему удалось вытащить из пепла сгоревшей библиотеки в Александрии. Рукопись обрывалась на технике пения особой священной мантры под звуки флейты, подобно той, на которой играет Верховный Бог Кришна, как показано в священном писании «Бхагавадгита». На картине Кришна изображен играющим на флейте среди райской растительности, что растет в вечнозеленом саду на его божественной райской планете.

«Приветствую вас Кшатр. Это Тео».

«Я весь внимание Ваше Верховенство». – Ответил жрец.

«Жду вас, есть проблема, которую надо нам решить на внешней поверхности. Когда можете прибыть?».

«Через тридцать минут буду». – Ответил Кшатр. Телепатическая связь прервалась, воцарилась тишина в кабинете двухэтажного особняка Кшатра, где на втором этаже располагался его рабочий кабинет.

Ровно в обозначенное время Кшатр открыл дверь в представительстве Верховного Куратора цивилизации Солнечной Системы галактики Млечный Путь.

В комнате с розовым мягким и ровным свечением, куда провели Кшатра два робота охранника, восседал за письменным столом длинноволосый седой мудрец.

– Приветствую вас, Ваше Верховенство! – войдя, сказал Кшатр.

Куратор взглянул на вошедшего жреца. Тщедушная невысокого роста фигура Кшатра, каждый раз, когда он переступал порог филиала Представительства, вызвала недоумение во взгляде Тео. Куратор никак не мог привыкнуть к такому несоответствию огромной силы этого человека с его слабой на вид внешностью. После незначительной паузы, Тео ответил:

– Приветствую. Проходите, присаживайтесь, и извините, что вызвал вас, Кшатр, сюда к себе в представительство, но вопрос крайне важен и не для посторонних ушей.... С этими словами Тео изложил суть проблемы, с которой Кшатр должен был справиться и решить. Жрец выслушал внимательно, что от него требовалось, затем ответил:

– Как же я выступлю в роли Онисия, когда Помпей напишет приказ и отправит капитана с «Артемиды» к Птолемею XII? – удивленно спросил жрец.

– Вам, Кшатр нет смысла, беспокоится. Там, где вы предстанете перед фараоном, Рим будет далеко, а в охране его божественного величества, к тому времени, уже не будет ни одного римлянина. Ваше же имя Онисий, беспрепятственно поможет вам проникнуть в шатер фараона. Там завяжется диалог с Авлетом, и он вас примет, и утерянный Александром Великим амулет, вы вручите фараону. Вы примкнете к каравану. Ваша миссия сводится к тому, чтобы не дать злым умыслам повернуть колесо истории Египта против воцарения Клеопатры после Птолемея XII Авлета, ее отца...

– Ведь не зря Бог Шива в ночь полнолуния накануне весеннего равноденствия танцует свой знаменитый танец Тандаву. Танец разрушает демоническую силу, уничтожает порождения зла. И в таком случае, Амонийская религия, являлась антиподом или противоположностью индуизма, а жрецы – это предки изгнанного с Индостана племени...

– Предками, этого племени, являлись асуры и демоны. – Добавил Тео.

– И храмы Амона в древнем Египте всегда были носителями культа черной магии...

Авлет решил избежать смуты из-за бесчинств римлян, их самоуправства, из-за вынужденного назначения им римского богатого торговца на пост царского казначея. Это назначение было продиктовано огромными денежными долгами Авлета, которые он набрал у Рабирия в изгнании для подкупа сенаторов Рима. Постум Рабирий, став полноправным хозяином Египетской казны, грабил народ, облагая неподъемными налогами всех и каждого египтянина. Недовольство народа возрастало с каждым новым сбором налогов, накаляя беднеющие народные массы Египта, которые рано или поздно могли взорваться бунтом. Предвидя надвигающую угрозу своему правлению. И, чтобы умиловать суеверный народ, страстно веровавший в справедливость богов, правящих Египтом. Авлет объявил о паломничестве в оазис верховного бога Амона. Объявив чиновникам, что едет за советом Оракула храма Амона в оазис Сива, и, призвав своих приближенных соблюдать благоразумие, отбудет в оазис Амона. Подобно Александру Македонскому, посетившему в свое время Оракула в оазисе, фараон намеревался спросить, что ожидает Египет после его возвращения и воцарении на трон. Но на самом деле Птолемею XII хотел избежать потери власти, предвидя надвигающуюся смуту, давая возможность народу сбросить иго римлян и уже вернуться в Александрию очищенную от легионеров Рима. Так и произошло, ещё до конца 54 года народное восстание изгнало Рабирия из Александрии, но лишь после того, как он изрядно обогатился и поместил нажитое в надёжное место за морем. Враждебно настроенная по отношению к нему партия в Риме отдала Рабирия под суд. Цицерон защищал Постума Рабирия, и его речь сохранилась до наших дней. Однако история не сохранила, каким был вынесенный ему приговор...

Между тем, весной 54 года, снарядив караван с многочисленной охраной и слугами, фараон отправился в дорогу. Для охраны Гней Помпей приказал Антонию обеспечить сопровождение Птолемею XII и охранять его в пути. По этому случаю Авлет не желал, чтобы его окружали римские легионеры, и отказался от римской охраны, набрав отряд из египтян, зарекомендовавших себя при вторжении в Египет. Антоний остался в Александрии, и вскоре отбыл в Сирию, так как предстоял суд самоуправному проконсулу Сирии Габинию. Территория Сирии оставалась без должного римского контроля. Узнав об отказе Авлета в римской охране, Помпей негодовал. Он зло ходил в зад-перед по своей вилле, нагоняя страх на слуг и рабов, обслуживающих этот красивый дом-убежище и символ его могущества, где велись переговоры и приемы с нужными и влиятельными людьми, облаченные не только римской властью, но и подвластных Риму территорий соседних государств. Гней Помпей, каким-то интуитивным чутьем улавливал, что не просто фараон устремляется в отдаленный оазис, только с целью паломничества в храм Амона, чтобы отдать почести Оракулу и спросить о своей дальнейшей судьбе и судьбе Египта. Но то, что Авлет отказывается принять охрану Рима, подтверждает

и то, что паломничество в оазис Амона совершается фараоном с иной целью. Каково истинное посещение храмового комплекса Амона Ра в оазисе Сива? Эта загадка не давала покоя Помпею. И, чтобы узнать обо всем, что связано с поездкой Птолемея XII, Гней Помпей решил отозвать из своей флотилии капитана судна «Афродита» Онисия, лучшего из лучших своих воинов и поручить ему, сопровождать караван фараона. Он долго думал и терзался этой идеей и даже приказал капитану явиться к себе на загородную виллу, перед предписанием капитану, явится в Александрию во дворец Птолемея XII, Помпей решил провести с Онисием обсуждение миссии. Когда консул обрисовал вкратце, что требуется от капитана, тот ответил:

– Я простой солдат твоего флагманского боевого корабля «Афродита», выполню любой твой приказ, командор. Но до меня дошли слухи, что Авлет отказался от охраны конников Рима во главе Антония, которому ты повелел сопровождать караван фараона, в оазис Сива? – уточнил Онисий.

– Это правда. – Подтвердил Помпей.

– Я хочу подчеркнуть, командор, что ваше достоинство выше капризов Авлета, и ваша честь будет спасена, если я не стану сопровождать караван фараона.

– Да, ты, как всегда, прав, Онисий. – С глубоким вздохом сказал Помпей, – Возвращайся в Неаполь на свой корабль....

– Ты не хочешь включить в охрану даже нами испытанного верностью воина Антония? – узнав об отказе отца Помпею, отослав Марка Антония, командира римской конницы в Рим, сказала отцу Клеопатра. На что Авлет ответил:

– Это не понравится Оракулу. Там святилище Амона Ра, и священное место Оракула, что хранит Египет от чужеземного разорения. Как я могу брать с собой римлян, в качестве охраны?

– Отец, но ты его можешь взять без его конников, одного Антония, как наемника, сделав начальником твоей личной охраны, состоящей из опытных воинов-египтян. – Настаивала дочь, – Я видела, как он стреляет из лука, как управляет конницей. Это отважный воин и, к тому же, он служит под командованием проконсула Рима Гнея Помпея, спасшего твой трон и тебя. Антоний предан тебе равно, как и Риму! – горячо протестовала дочь решению отца.

– Я не возьму ни одного римлянина. – Твердо стоял на своем Авлет.

Клеопатра не отставала, досаждая отца:

– Ты же знаешь, как, это будет почетно для него и тыл твой будет под надежной охраной от врагов, которые желают твоей смерти и хотят покорить Египет.

Птолемей, немного подумал и, чтобы смягчить как-то свое решение, неопределенно ответил дочери:

– Да, дочь, ты очень умна и с каждым годом становишься все умнее. Египет будет в надежных руках при твоём правлении.

Клеопатра слегка покраснела, затем поклонилась и вышла с тронного зала дворца....

Богато снаряженный караван из многочисленной охраны на двенадцати навьюченных верблюдах отбыл из Александрии побережьем Средиземного моря в направлении Ливии, к египетскому городу Мерса-Матрух.

Этот город-порт расположен на берегу подковообразной бухты Средиземного моря, которая с лева вливается в залив Эль-Гарам, отгороженный от вод моря природной дамбой. И в этом отдаленном от Александрии городе-порту, еще были сильны традиции египтян, воспринимать власть фараона, как власть божества на земле, данную небом, для процветания и могущества Египетского царства. Поэтому Авлет был встречен с почестями и подношениями знатных чиновников, которым льстил визит столь дорогого правителя.

Прежде чем двинуться караванной тропой Сахары к оазису Амона, сопровождающие караван слуги сменили верблюдов, и через три дня, которые фараон провел в городском дворце, где были устроены покои для высокородных гостей, и, раздав указания местным чинов-

никам, что не преминули пожаловаться на непосильные налоги царской казны, ранним утром отправился в путь...

Двенадцать верблюдов неторопливо двигались каменистой пустыней друг за другом, ведомые водителем-проводником, египтянином греческого происхождения Креоном. На одном из верблюдов закреплен на четырех бамбуковых подпорках навес. Шелковые занавески, легкие, как крылья бабочки, прикрывали принцессу Клеопатру от лучей пустынного солнца. Закутанная с ног до головы в синюю с вышивкой одежду женщин провинции Аммония, что расположена в оазисе Амона, пятнадцатилетняя Клеопатра была надежно предохранена от жарких лучей. Конный отряд отборных египетских воинов с колчеданами стрел и боевыми луками за спиной шли пешей ходой со своими лошадьми след в след с верблюдами. Лошади, люди, и шесть овец, неспешным шагом двигались караванным путем Мерса-Матрух – оазис Амона. Впереди каравана на белом гнедом в яблоках, в белом арабском балахоне с вышивкой золотыми нитками снизу у самых пят и в белом тюрбане, укрывающем полностью голову, лоб, лицо, кроме глаз, ехал фараон. Его вороной скакун Орхидей шел следом, на привязи за узду к седлу фараона без сбруи. Птолемей берег скакуна, зная, сколько ему, пришлось потратить физических и душевных сил в изгнании, чтобы вернуть себе престол, а в дальнем пути пустыней всякое может случиться, и может быть так, что последней надеждой на спасение его и дочери станет верный Орхидей. По обе стороны от фараона вели за узду свои лошади два воина, в белых длинных одеждах и тюрбанах. Три всадника посланы вперед на разведку. Торговые караваны часто подвергались нападениям грабителей, на этом отрезке пути, так как город Мерса-Матрух, в те времена, был богатым торговым портом, где шла бойкая торговля товарами со всего Средиземноморского бассейна...

Глава вторая

В одежде путешественников караванными тропами пустынь Птолемей XII совершал это паломничество к Оракулу оазиса Амона, только с одной целью – утверждения себя на престоле, возродив веру народа в любящего и справедливого правителя сына Зевса-Амона назначенного богами править Египтом. Его караван уже достиг местечка Секкет Эль-Султан, когда наступили сумерки. В пустыне темнота приходит внезапно, стоит только солнцу скрыться за барханами, а пока диск светила еще висит у линии горизонта и его лучи красноватые, как медь, окрашивают величественные головы верблюдов и поклажу, все еще светло. Первые глиняные мазанки жителей показались невдалеке. В этом местечке водитель каравана знал, где можно напоить лошадей охраны, пополнить запасы воды и обустроится на ночлег. Передовые воины прибыли к фараону с докладом, сообщив ему, что шатер, который они взяли с собой, уже установлен и территория осмотрена и безопасна. Все жители предупреждены и не будут выходить из своих домов, пока Секкет Эль-Султан не покинет фараон. Командор охраны приказал готовиться к ночлегу, напоить коней, а слугам развести костры и приняться за приготовление пищи. Погонщики верблюдов сняли грузы с животных и, разложив сено перед ними, тростью, стали подгибать ноги верблюдам, не давая животным лечь на бок. Животные, при этом, недовольно ворчали, размещаясь погонщиками перед охапками сена. И вскоре, уже мирно пережевывали сено, отдыхая от пути.

В отблесках костров наступила ночь. Незаметно к шатру фараона подошла чернокожая женщина в парандже. Ее сгорбленная спина и дрожащие руки, выдавали преклонный возраст. Лицо было испачкано пылью, прикрывавшей глубокие морщины вокруг глаз, что сверкали, как угли, отражаясь в бликах языков пламени костров.

– Ты куда старая кляча! – крикнул на египетском наречии ей один из двух охранников, стоявших у входа в шатер фараона.

– Скажи Авлету, что с ним хочет поговорить кормилица Клеопатры, Онисия. – Скрипучим голосом с персидским акцентом ответила женщина.

Охранник с минуту колебался, затем вошел в шатер.

Авлет в это время смывал со своего лица пыль. Он наклонился над медным тазом, а его шею поливала водой из золотого кувшина белокожая рабыня. Царь фыркал, разбрызгивая воду на ковер во все стороны. Охранник терпеливо ждал. Наконец Авлет взял полотенце из рук служанки, вытерся и только теперь обратил внимание на охранника.

– Что у тебя Дионисий, говори, тебя слушаю?

– О, Божественный сын неба, к вам хочет пройти старая рабыня кормилица Клеопатры. – Низко кланяясь, и припав на одно колено, сказал охранник, не поднимая склоненной головы от ковра, укрывающего глиняную землю в шатре.

– Как имя ее?! – строго спросил Авлет.

– Она назвалась Онисией. – Ответил Дионисий.

Авлет насторожился. Припомнилось имя капитана римского военного корабля «Афродита», которого звали Онисий. В памяти возник высокий крепкого телосложения капитан. Смуглый орлиный профиль этого закаленного в боях воина, внушал уважение и уверенность фараону тогда, когда проконсул Рима Гней Помпей взял под свою опеку его и Клеопатру, и переправил их на «Афродите» из Сирии в Неаполь, капитан произвел на Птолемея хорошее впечатление.

«Наверняка это капитан, присланный Помпеем, с каким-то важным тайным донесением, это вынудило его явиться ко мне в образе несуществующей кормилицы моей дочери». – В слух громко приказал:

– Скажи пусть войдет! – громкий голос фараона прозвучал так, чтобы было слышно его и за шатром.

Услышав имя кормилицы, из зашторенной половины шатра выбежала Клеопатра, переодетая в белоснежную римскую тунику.

– Отец у меня никогда не было кормилицы. Меня кормила мать своей грудью! – настоженно с удивлением сказала дочь, стараясь говорить, как можно тише, почти шепотом.

– Не беспокойся, дочь, это ко мне доверенное лицо с донесением. – Ответил фараон, стремясь успокоить ее. В это время в шатер вошла сгорбленная сухонькая преклонного возраста невысокого, почти карликового роста женщина. Она настоженным и колким взглядом осмотрелась и уставилась в принцессу. Птолемей некоторое время с удивлением стал смотреть на гостью. Затем, решив удовлетворить свое любопытство неожиданным появлением незнакомой гостью, жестом приказал дочери уйти на свою половину. Клеопатра крайне удивилась этому визиту, но страхи не покидали ее, даже тогда, когда Авлет сказал ей, кем на самом деле является Онисия. Жизнь Клеопатры во дворце, где случился заговор и предательство в ее семье. И теперь без осведомителей сберець власть ее отцу было невозможно. С этим Клеопатра поспешно скрылась за шторой. Визитерша ни слова не произнесла, пока прислуга не вышла из шатра. Как только последняя служанка покинула опочивальню фараона, женщина сняла паранджу, стерла сажу с лица ладонью, и пред Авлетом возник сухощавый загорелый с медным оттенком кожи, невысокий мужчина. Под паранджой на нем были одежды и снаряжение египетского воина, на груди болтался на черном кожаном шнурке странный амулет.

– Приветствую тебя, Птолемей. – Приложив правую ладонь к груди, и низко кланяясь, стал говорить вошедший. – Я послан к тебе небом, чтобы обезопасить твой путь к Оракулу Амона Ра. Меня зовут Кшатр, я жрец храма бога Шивы Натараджы, что находится в Индостане. Я здесь потому, что ты совершаешь паломничество в храм Амона к жрецам, предками, которых, были асуры и демоны. Они были изгнаны из земель Индии. Я здесь, чтобы уберечь род Птолемеев от замыслов недоброжелателей, посягающих на твой трон. Я следую с твоим караваном из Мерса-Матрух. В пути мне довелось присмотреться ко всем из сопровождающих тебя. Врагов не заметил. Будь спокоен, путь твой безопасен. – Снова, поклонился Кшатр.

Авлет кинул ему мокрый холст из мягкого льна:

– Кшатр, вытри свое лицо, оно испачкано сажей, как у демона из страны теней на берегу Стикса. – Кшатр, поймав на лету влажную ткань, стер сажу с лица:

– Я вижу, что ты родом из юга Египта и никак не выдашь себя за инородца. Но, то, что ты жрец, я не вижу доказательств. – Авлет сделал паузу, выразительно смерив пришельца с ног до головы своим взглядом, – Ты явился сюда, как гость, и путь мой в святилище Амона Ра не должен быть омрачен ничем, поэтому я оставляю тебе жизнь. Я считаю, что бог Амон Ра прислал тебя, чтобы путь мой был удачен, это знак свыше. Скажи слугам, которые готовят пищу, пусть накормят тебя.

– О, наместник бога Амона Ра на земле, не стоит твоего божественного беспокойства обо мне, я не голоден. А вот, что мне велено передать тебе могущественными небесными силами, охраняющими твой путь к святилищу Оракула этот амулет, открывающий путь к усыпальнице Александра Великого и к его несметным богатствам лабиринта под землей храма Амона Ра. – С этими словами Кшатр, снял амулет и вручил Птолемею. Фараон положил дар Кшатра на свою ладонь, внимательно осмотрел его. Это был металлический ключ из незнакомого материала. С одной стороны ключа закреплена пластинка с зубринами в виде мелких выступов. С противоположной, державка упиралась в полукруг, закрепленный средней выпуклой частью в канавке стержня-державки. Птолемей обратил внимание на слом края этого полукруга, похоже было на то, что кто-то умышленно отломил половину кружка от державки ключа..

Авлет вопросительно взглянул Кшатру в глаза, взвешивая в уме его истинные намерения. Загорелый, почти темный оттенок кожи придавал ему вид жителя с верховьев Нила. И никак

не производил впечатления служителя храма бога Шива Натараджа с земли Индостана. Кшатр поспешил сказать:

– Этот ключ даст тебе уважение Оракула, власть и богатство, какого еще не знали правители Египта, о, великий наместник бога Зевса-Амона на земле.

«О, да! Это было бы кстати. Ведь мне сейчас так нужны деньги, из-за которых назревает смута в Египте». – Подумалось фараону, вслух же сказал, – Как дальше ты будешь вести свою миссию? – напуская на себя величия и важности, проговорил, давая понять гостю, что тот принят в караван.

– Мне нет никакого смысла оставаться с тобой. Будет полезно, если я сегодня ночью выеду в оазис и там разузнаю и разведу все, что необходимо знать для безопасного твоего пребывания в столице Агурми оазиса Амона. – Сказав это, Кшатр выжидательно стал смотреть фараону в глаза. Авлет молчал. Надев на шею амулет, он спрятал его у себя на груди, стал вдумчиво рассматривать пришельца. Его удивляла гордая осанка и смелость во взгляде пронзительных черных глаз, как он смотрел прямо на фараона, что не могли позволить себе простолюдины и слуги, и воины из его охраны. Это был человек свободный и независимый, об этом говорило его поведение с властителем Египта, одного жеста, которого было достаточно, чтобы голова этого тщедушного с виду человека мгновенно слетела с плеч, прояви ночной гость, хоть намек на враждебность к неприкасаемой персоне царя. Пауза затягивалась, фараон продолжал, молча смотреть на визитера. Затем медленно проговорил:

– Ты прав Кшатр, так будет благоразумнее. Но, ответь мне, как ты собираешься пересечь пустыню за оставшиеся пять дней пути, да еще и в одиночку?

– Я согласен с тобой повелитель. Все эти пять дней я буду с караваном. Оставшийся отрезок дороги, спустя пять дней пути, я уйду первым и выполню намеченную миссию. – Важно ответил гость.

Авлет был смущен гордыней, которую он наблюдал в поведении пришельца, и, чтобы не привлекать внимания охраны уходом из шатра гостя, сказал ему:

– Ты можешь выйти из шатра незамеченным, пройдем со мной. – Авлет подвел гостя до задней стенки шатра к висевшему на стене ковру. Откинул полог ковра, сказал: – Смотри, здесь в шатре устроен незаметный выход, открыть его можно только изнутри, отодвинув вот эту бамбуковую жердь. – Авлет обхватил пятерней бамбуковую подпорку шатра, потянул на себя. В шатре мгновенно образовался проем. Кшатр быстрыми движениями надел на себя паранджу и со словами Авлета: – Я распоряжусь, чтобы тебя приняли в слуги-повара, будешь при кухне весь отрезок пути.

Кшатр кивнул головой фараону в знак благодарности, и тенью выскользнул в образовавшийся ход, скрываясь в ночной тьме лагеря.

Когда разговоры гостя с отцом стихли, и шатер наполнился тишиной, Клеопатра, терзаясь мыслями об Антоние, решила выйти к отцу.

– Я не могу спать.

Авлет налил себе в чашу пальмового вина, пригубив, сказал:

– Так всегда бывает на новом месте.

– Почему то в Риме я засыпала быстро, отец.

– В Сирии и Риме ты была еще ребенком. Сейчас же ты молодая и красивая принцесса. Тебе уже, дочь моя, пятнадцать лет. Это расцвет юной девушки. А в твоём возрасте молодые принцессы редко засыпают спокойно. – Сказал Авлет, догадываясь причину бессонницы дочери.

– Отец поиграй мне на флейте, под ее чудесные звуки беспокойство и страхи проходят, мысли успокаиваются и навиваются приятные сновидения...

Кшатр, крадучись, пробрался к углу стенки шатра, где был вход в опочивальню фараона и взглянул на маячившую в темноте фигуру охранника, что стоял там. В это время из шатра раздались мелодичные звуки флейты.

Дионисий, услышав нежное звучание флейты, пробасил в ночь, как ему казалось, своему напарнику, караулившему вместе с ним вход в шатер:

– Не зря фараона двенадцатого из Птолемеев прозвали Авлетом. Он даже в пустыне не расстается с флейтой. – Но его напарник уже не слышал. И Дионисий громче сказал товарищу:

– Григорис, чего не отзываешься, когда тебе старший караульный говорит?!

Григорис в это время не мог слышать его. Он разлегся на холодном песке, положив голову на щит из панциря морской черепахи, и уже крепко спал, согреваясь возле жарких углей костра, и отозвался лишь громким храпом, забыв о своих обязанностях беречь божественного наместника бога Зевса на земле, фараона Египта Птолемея XII Авлета. Дионисий не стал будить товарища. А небо над шатром, барханами пустыни, спящими верблюдами и лошадьми посреди площади городка – сияло бесконечным множеством звезд.

Кшатр, осмотревшись вокруг, быстрыми неслышными шагами ушел к жевавшим сено верблюдам, где поодаль стоял его ослик с двумя мешками на спине. Он снял мешки и сказал что-то на ухо ослику. От этого животное стало на передние колени, затем, подогнув задние ноги, опустилось на песок. Кшатр положил два снятых мешка под ноги, чтобы не лежать на холодном песке, туловище прислонил к теплому боку ослика и задремал.

На рассвете караван фараона покинул местечко Секкет Эль-Султан...

Глава третья

Ночи в пустыне среди барханов были холодны. Рабам, обслуживающим караван фараона, приходилось спать у тюков сена. Расставленных торчком плотно примыкающих один к другому, ограждая место ночлега погонщиков. Тепло, исходившее от тканых из верблюжьей шерсти покрывал, согревало усталых людей, спасая от ночного холода. Между тем рабы всегда сооружали шатер для фараона и его дочери. Каждый раз, перед ночлегом, передовой отряд с навьюченными поклажей лошадьми, для сооружения шатра и утварью для приготовления пищи, верхом выдвигался далеко вперед, и разбивал шатер для ночлега фараона. А «кормилица» Клеопатры, Кшатр в образе Онисии, помогал слугам-кулинарам в приготовлении ужина для фараона и его дочери. Из свежей баранины готовился плов и заваривался по особому рецепту «кормилицы» Онисии, чай из высушенных ароматных целебных трав, которые Кшатр вез с собой в тюках на своем ослике...

Пятый день пути по пустынным пескам Сахары подходил к концу. Днем, в этот весенний месяц Пахон бога Луны Хорхе, сына Амона Ра и богини Мут, жара в пустыне не была столь беспощадна, как летом. Шел 19 день месяца Пахон (март). Лучи спускались на барханы песков, окрашивая гребни красными оттенками заходящего солнца. Вечерняя пустыня в это время уже не так воспалила глаза яркими оттенками песков и открывалась театром красок предзакатного дня. Клеопатра, уныло покачиваясь в седле верблюда, смотрела отрешенным взглядом огромных карах глаз на колеблющиеся небесные шелка занавесок своего убежища, защищавших ее глаза от жгучих лучей пустынного солнца. Время от времени она закрывала веки, впадая в дремоту. Мысли в это время исчезали, ощущение тела уходило в небытие, и вся окружающая действительность переставала существовать. Такое состояние ее естества помогало преодолевать тяготы пути и не думать об Антоние. Мысли о нем будоражили юное сердце принцессы день ото дня, и даже память о детской влюбленности в Гнея Помпея Младшего, ее воспоминания знакомства с ним в изгнании не могли спасти от внезапной вспышки очень сильной любви с первого взгляда к Антонию. Еще там, в поместье Гнея Помпея Старшего на Альбанских холмах, когда она с Помпеем Младшим купались в бассейне, Антоний бесцеремонно подошел с приветливой улыбкой к ней и подал руку, помогая выбраться из воды бассейна. Как трепетно пронзило сердце его прикосновение и, как долго она смотрела ему в след, когда Помпей Старший позвал гостей к накрытому столу, и герой удалялся в зал к гостям. С тех пор и по сей день Антоний не выходил из ее юных грез. Мечтая только о нем, она любовалась его статной фигурой, осанкой его в седле, когда его конница решила исход сражения у ворот крепости, ставшей на пути возвращения ее и отца из изгнания в Египет. И как несправедливо поступил с ним отец, отказав его коннице в охране каравана. Сердце принцессы было разбито и, казалось, ничто не в силах помочь ей перенести эти бесконечные минуты, часы, дни пути, в нескончаемой веренице барханов пустыни. Внезапно верблюд остановился. Чтобы отогнать навязчивые мысли о нем, Антоние, она нервно откинула занавеску, закрывающую ее под навесом. Взгляд принцессы упал на лучи заходящего солнца, гигантским раскрывшимся веером в небе у самого горизонта. На цепочку верблюдов, что застыли неподвижно. Видно было, что проводник осматривается, уточняя путь. Клеопатра решила воспользоваться остановкой каравана и соскочила с мирно застывшего верблюда на песок бархана. Вдалеке показался воздвигнутый рабами обелиск шатра фараона, развиваемый на ветру, знак неприкасаемого наместника бога, на земле облаченного в божественную власть над народом Египта фараона Птолемея XII. Водитель каравана, приложив ладонь ко лбу, возобновил движение в направлении этого ориентира. Фараон на своем гнедом коне ехал за вереницей верблюдов, уже не впереди каравана, как впервые дни пути. Поход сказывался на нем, усталость давила на плечи и мысли о своем прав-

лении Египтом, были рассеяны, сосредоточенность на чем-то одном и важном улетучивалась птицей прочь, давая место усталости. Авлет не сразу понял, что к нему обращается проводник:

– Ваше божественное величие, мы прибыли к ночлегу. Завтра вы увидите оазис Амона. – Он стоял рядом с лошадью Авлета, ожидая распоряжений.

Фараон очнулся от навалившейся дремоты, осмотрелся. Рабы уже отводили верблюдов к стоянке, располагая животных на ночлег. Поклажа снималась с животных и с тюков отбирались порции сена для кормления. Осторожно погонщики верблюдов опускали животных на песок сначала на передние ноги, и на задние. Это было необходимо для того, чтобы верблюд не ложился на бок, иначе nasledующий день он не захочет вставать и поднять животное очень трудно, уходит на это почти целый день. Охрана фараона свела лошадей вместе и поила каждую из кожаных бурдюков, затем специальные мешки с овсом были подвешены на головы лошадей так, чтобы овес лошади могли есть. И люди стали разводить костры и готовятся к приготовлению пищи и ночлегу в холодной ночи пустыни.

– Да, Креон. Я не вижу моих поваров и места, где готовится мой ужин? – слезая с лошади, с упреком сказал проводнику фараон.

– О, божественный, костер уже горит за шатром. Там слуги освежали последнюю овцу, и повара готовят пищу для вашего царского величия и вашей божественной дочери. – Глядя в песок, склонив голову, говорил проводник.

– Скажи, Креон, – смягчившись, стал говорить Авлет, – кормилица Онисия там с ними?

– Нет ее. Она сказала мне, чтобы я предупредил тебя, божественное величество, что в храме Амона Ра она будет ждать завтра.

– Ты свободен Креон.

Водитель каравана, не глядя на царя, со склоненной головой, сделал шагов пять, назад, повернулся спиной, и удалился к погонщикам верблюдов, что готовились к приему пищи и ночлегу.

Авлет, отдал поводья подошедшему рабу, что ждал невдалеке и, встретив дочь, которая в это время подошла, вместе с дочерью направился к шатру. Прохладным прикосновением внезапно появился свежий легкий ветерок. Приятно коснулся щек принцессы, зашевелил ее каштановые кудри у висков и на высоком лбу. С дуновением ветерка, вдруг, раздалось жалобное завывание. Звуки то стихали, то с новой силой возникали вновь, возбуждая у Клеопатры тревожные предчувствия надвигающейся ночевки в пустыне.

– Отец, что это? – опасливо спросила Клеопатра, – будто кто-то плачет, взывая о помощи?

– Это поющие пески пустыни. Когда дуют сухие ветра, пустыня плачет и просит у неба дождя. – С отцовской теплотой в голосе ответил Авлет.

В шатре Клеопатра устало присела на кушетку и, глядя на отца, произнесла:

– О! Как я устала за этот переход. Каждый день бесконечный ряд желтых и белых барханов песка, отражающих солнечный свет, что слепит глаза. Песок хрустит на зубах, пудрой сыплется с волос. Я больше не могу выносить этой жаркой пустыни, ржание лошадей, и громких голосов этих мужланов из твоей охраны, которые рассказывают друг другу гадости о женщинах и при этом ржут, как табун жеребцов на пастбище, захлебываясь от смеха. – Вздыхая, высказала принцесса досадное и наиболее свое недовольство родителю, надеясь на поддержку его любящего сердца. Авлет же спокойно смотрел на дочь, никак не реагируя и не желая отвечать ей. Холодная реакция отца еще больше стала раздражать Клеопатру.

– Ты, хоть бы ответил мне, зачем затащил меня в пустыню?

– О, дочь моя, ты будешь править народом Египта, и ты должна быть выдержанной и смелой, сильной духом правительницей, которая не позволит сделать Египет придатком Рима, а будет равной ему по могуществу и духу державой, с которой Рим вынужден, будет считаться. А для этого мы с тобой и отправились к Оракулу в оазис Амона, ибо он и только он может сказать народу Египта о нашей царской силе и нашем могуществе, могуществе фараона Птолемея

ХII, ведущего свой род от Птолемея Лага, соратника Александра Македонского. Это важно особенно после позорного захвата нашего трона Береникой, твоей сестрой, которую я наказал казнью, отрубив ей голову. – С чувством царского достоинства, расставляя акценты, ответил Клеопатре Птолемей ХII. Дочь снова вздохнула, она помнила до мелочей эту ужасающую сцену расплаты. Когда спрятавшись в тронном зале дворца за перегородкой с цветами, была свидетелем того, как палач на подносе принес отрубленную голову Береники и сдернул окровавленный платок со страшной ноши, показывая отцу. Клеопатра, не ответила. Молча, отправилась к рабыне, что дожидалась ее возле входа в зашторенную половину шатра. Вскоре из-за шторы донеслись всплески воды и смех служанки, наилучшим образом сказавшие Авлету, что настроение дочери улучшилось.

– Что ты спросишь у бога? – в сумрачном освещении святилища раздался голос.

Александр вздрогнул от неожиданности, осмотрел пространство комнаты великого храма. Но никого не было вокруг, кроме огромной фигуры гиганта, на его загнутые назад рога, на широкую и мощную грудь, на руки, сжатые в кулаки.

– Я пришел узнать истину, кто есть мой отец? И кто я? – спросил Александр. Взгляд его упал на мерцающие в тусклом свете ламп желтые глаза колоса с черными щелями вместо зрачков. От мерцания света глаза статуи казались живыми, подчеркивая достоверность ответов самого бога Амона.

– Твой отец Зевс-Амон Ра, ты сын его! – ответил голос, и раздалось эхо звука, многократно отраженного в изгибах и выступях стен святилища, постепенно стихая.

– Я узнал истину! – сказал громко Александр.

– Спрашивай, что ты хочешь узнать еще? – громогласный голос раздался, вновь сотрясая своды святилища, отражаясь эхом от барельефов потолка и росписи стен.

– Что даст мне бессмертие? – глядя в блики глазниц колоса, в мерцающем свете ламп казалось, что скульптура Амона жива и смотрит на пришельца. Македонский с трепетом ожидал ответ.

– Когда достигнешь храма Шивы Натараджа в далекой Индии, ты найдешь Черную Корону богов. Надень ее, и ты обретишь просветленное знание. Многие тайны откроются тебе. Тайны прошлого и будущего. И ты достигнешь бессмертия. – Как гром небесный рокотал голос Оракула, вселяя уверенность непобедимому Александру, побуждая его к будущим деяниям.

– Я покорю Индию! – твердо поговорил Македонский и с этими словами вышел из святилища.

Утром Александр сообщил своим соратникам о визите к Оракулу и, что тот сказал ему. Александр так же объявил о своем решении быть похороненным в оазисе Сива, недалеко от храма Амона. Среди сподвижников Александра был в это время и Птолемей Лаг, впоследствии выполнивший последнюю волю Александра. Перед уходом из оазиса Александр по приглашению верховного жреца посетил еще раз храм Амона.

– Ты пришел один, как просил тебя я? – встретил Александра верховный жрец.

– Приветствую тебя хранитель жилища Оракула! – сказал Македонский. – Как видишь я пришел один.

– Идем со мной, я покажу тебе все то, чем отныне ты владеешь, сын бога Зевса-Амона Ра.

Жрец с зажженной лампой, освещая путь, провел царя подземным ходом, из храма к массивной двери с изображением древней надписи на ней незнакомой письменностью. Жрец достал висевший у него на шее, на кожаной бечевке двусторонний ключ и сунул в скважину двери сначала одним концом и сделал поворот. Вынул ключ, перевернул и другим концом вставил в скважину, снова повернул второй ключ в скважине. С этим вторым действием дверь медленно открылась, издавая металлический скрежет. Жрец жестом пригласил Александра войти с ним в образовавшийся вход. Взору Александра представились сокровища, хранившиеся в помещении, куда привел его жрец. Проходя из комнаты в комнату, взору Александра пред-

ставлялись покрытые пылью времен золотые слитки. Старинные изделия из золота, инкрустированные драгоценными камнями, золотые сосуды набитые крупными, с куриное яйцо, алмазами и сверкающими драгоценными камнями. Комнатам с огромными богатствами, казалось, не было счета. Жрец открывал одну за другой комнату за комнатой в нескончаемом подземном лабиринте и неторопливо вел свой рассказ.

– На планете наша цивилизация переживает четвертое рождение. В этой череде комнат подземного хранилища собраны сокровища предков трех цветущих рас ушедших в небытие. Этим сокровищам многие миллионы лет и все они твои, как сына Зевса-Амона, рожденного от земной женщины и живущего на земле. Мне поручено Оракулом Амона Ра, вручить тебе часть этого двойного ключа, которую ты передашь своему преемнику по наследству, который в трудную пору для его царства может воспользоваться этими богатствами. Ключ поможет потому что в этом. – С этими словами жрец по видневшейся канавке на кружке державки разломил, разделяя ключ на две самостоятельные части и одну вручил Александру, сказав:

– Береги эту часть, как драгоценный амулет, и никогда не разлучайся с этим вторым ключом.

– Благодарю тебя хранитель Оракула, – сказал Александр, принимая свою часть ключа. – Сколько же еще тут комнат?

– Мы прошли лишь одну сотую. Пора возвращаться о прославленный воин нареченный фараоном Египта самим богом Зевсом-Амоном Ра, ибо только сын бога имеет право передавать свой трон земным детям по наследству.

На следующий день Александр, покинул оазис Сива...

Глава четвертая

Кшатр ехал на своем ослике по барханам пустыни всю ночь, проверяя свой путь по звездам. Солнце уже окрасило небосвод в розовые тона восхода, когда вдали показались пучки еще затененных пальм, которые вырисовывались на горизонте сплошной темной полосой.

Постепенно сумерки отступали, цепляясь тенями за низины барханов. В это время, с наступлением утра, подул легкий ветерок, предвестник жаркого дня. Ослик вдруг издал внезапный резкий крик, как будто радостно сообщая ездоку о близком окончании пути. Кшатр поплескал животное ладонью по правому теплому боку, усмиряя режущие слух возгласы, приободрил словами:

– Я тоже вижу оазис с вкусными финиками и оливками, что растут там, а самое главное мы, наконец, напьемся чистой родниковой воды.

И ослик вновь ответил наезднику одобряющими и радостными воплями, в знак согласия с хозяином.

– Ты умный у меня труженик, жаль только расставаться с тобой, но, ничего не поделаешь, ты найдешь себе нового хозяина.

Глиняные постройки Агурми были обнесены высокой стеной возведенной горожанами все из той же глины, встречающейся в этих местах повсеместно. Вход в столицу оазиса вел через городские резные ворота с гравировкой, тяжелые створки которых были сделаны из пальмового дерева. Днем ворота открывались с самого утра, и все желающие могли входить и выходить из города. Агурми расположен вокруг скалистой возвышенности на вершине, которой расположен храмовый комплекс Оракула Зевса-Амона Ра. Издали, Кшатру бросилось в глаза, что возвышение, на котором стоит храм Амона, напоминает рукотворную гигантскую буддийскую ступу. Да иначе и быть не могло, догадался жрец, ведь воздвигнуть под храмом гигантский, в несколько подземных ходов, лабиринт можно было только тогда, когда сооружено для этого укрытие. Для ушедших высокоразвитых рас, живших до нас, с их технологиями строительства, это было посильным трудом. А глинистая почва, строительный материал, выбрана из окрестностей, что подтверждается образовавшейся долиной ниже уровня моря вокруг скалы. Ушедшие цивилизации обладали технологиями превращения глинистых почв по твердости сравнимой скальным породам, что подтверждается этой возвышенностью, на которой стоит храмовый комплекс. Размышляя об этом, незаметным казался путь. И вот уже ослик вошел в открытые ворота Агурми и Кшатр направил его к центру города к видневшемуся там храмовому комплексу, обнесенному высокими стенами высотой в четыре человеческих роста. Ворота на территорию храмового комплекса были широко открыты, и Кшатр направил своего ослика к подножью ступеней. У первой ступеньки лестницы он спешился и стоя рядом с осликом, стал ждать. Прошло довольно много времени. Солнце достигло своего зенита, нещадно жгло бритую голову жреца. Здесь на возвышении, хоть и дул свежий ветер, но натываясь на преграду высоких стен, терял свою свежесть и не ощущался тут уже совсем. Кшатр привык к жаре за всю свою длинную жизнь. Он научился переносить с легкостью и терпением все тяготы, на которые только способно человеческое существование под знойным солнцем пустынь, обдуваемый суховеями хамсин. Жгучих солнечных лучей не выдерживал только его ослик. Он громко стал взывать к помощи, издавая такие жалобные тона своим голосом, что не услышать животное, никак не могли в храме, наверняка пристально следившие за пришельцем. Очевидно все же отчаянные крики животного стали не выносимы для затворившихся жрецов, так как из проема двери святилища вышел служитель, присланный верховным жрецом. Он не стал спускаться к пришельцу и с высоты ступеней крикнул Кшатру:

– Что тебе и твоему спутнику надо здесь в святом месте?

– Напоить ослика, и встретится с верховным Ур Хем Нетер, хранителем святынь Оракула, разговаривающим с Амоном! – ответил Кшатр. Услышав его, служитель скрылся в храме. Через некоторое время он появился вновь с деревянной бадьей наполненной водой и черпаком, и спустился по ступеням, поставил бадью возле Кшатра, зачерпнул из нее воды и передал черпак Кшатру. Ослик не стал дожидаться приглашения к бадье, а сразу опустил голову к воде, стал пить. Когда гости напились, служка сказал:

– Верховный хранитель ждет тебя. Иди прямо тебя встретит верховный жрец. Ослик Ая заберу дам ему еды, законы гостеприимства тут святы, как и наша земля в оазисе Амона Ра.

С этими словами служителя, Кшатр из навьюченного на ослике мешка, вынул завернутый в мягкую льняную ткань сверток, затем вручил поводья ослика служителю храма и стал подниматься ступенями к дверному проему входа в святилище. Отсюда с лестницы внутренность помещения не просматривалась, чернота проема двери, непроницаемой занавесью нависала над входом, ведущим внутрь святилища. Кшатр вошел в помещение. Глаза, хранившие еще яркий свет солнечных лучей, ничего не видели вокруг.

– Чего попросишь, гость из пустыни? – голос невидимого человека, обратившегося к нему неожиданно, зазвучал из этой тьмы, заставил вздрогнуть от неожиданности. Кшатр машинально повернул голову в сторону говорившего. Сквозь рассеивающую мглу по мере привыкания глаз, возникла фигура верховного жреца Ур Хем Нетер в белом длинном до пят одеянии. Внизу, у самых щиколоток по периметру одежды шла красная широкая с человеческую ладонь полоса вышивки с вплетенной золотой нитью, что придавало одежде хранителя храма Оракула богатое убранство. Такой же вышивкой заканчивались широкие рукава у запястий рук. Голова жреца была гладко выбрита. Глаза подведены черной краской, подчеркивали блеск зрачков, от которых трудно было оторвать взгляд, что давало жрецу гипнотическое преимущество влияния на собеседника и способность подчинять его своей воле. В помещении было прохладно и насыщено пряными медовыми запахами, смешанными с запахом воска и благовониями фимиама.

– Приветствую тебя потомок племени жрецов, изгнанных из храма Шивы Натараджа, что в Индостане и наших пристанище здесь, в оазисе Амона. Я верховный жрец храма бога Шивы из берегов Инда, принес тебе священный дар, который должен быть сохранен в лабиринте сокровищ, вместе с бесценными сокровищами, хранящимися в недрах этого священного места. Прими и сохрани этот божественный дар там. – С этими словами Кшатр развернул ткань, и на ладони засверкала корона гранатовым рубиновым блеском, камней вкрапленных в листья в обрамлении из черного металла.

– О! – вскричал верховный жрец бога Амона. – Это Черная Корона богов! – Эта бесценная реликвия должна храниться здесь в храме бога Зевса-Амона Ра! – взволнованно причитал он. Из древнего папируса, описания Короны Богов: «На узком круглом обруче из чёрного металла в палец толщиной были насажены тонкие, закруглённые, расширенные на концах чёрные двураздельные листочки, отогнутые наружу. В трёх листках немного большего размера, очевидно отмечавших фас короны, сверкали крупные алые камни, по-видимому, рубины. Выше листочков шли загнутые внутрь полоски того же чёрного металла. Впереди, там, где были рубины, полоска заканчивалась торчащими вперед зубцами. С каждой стороны на местах, которые на голове соответствовали бы вискам, в полоски были вделаны золотые диски. В центре каждого диска торчали камни странного серого цвета, в виде коротких столбиков, с плоско отшлифованными концами. Они ослепительно блестели в солнечных лучах, затмевая горение рубинов. Точно такие же камни были вделаны в задние полоски, соединявшиеся двумя дужками над теменной частью украшения. Внимательный взгляд мог заметить, что особый блеск серых кристаллов исходил от расплывённых внутри облачков мельчайших крупинок с металлическим зеркальным отливом».

– Я вынужден принести эту жертву здесь в этом месте, где величайшего полководца Александра Македонского Оракул назвал сыном бога Зевса-Амона Ра! А Черная Корона богов предназначена для человека, в жилах которого течет кровь богов.

– Ты, хранитель реликвии богов, усомнился в предсказаниях Оракула?! – угрожающим голосом зарокотал верховный жрец.

– Нет, я не вступаю в споры с богами, ибо они руководят судьбами смертных. Я принес этот дар на хранение в лабиринте сокровищ, и прошу поместить Черную Корону богов в хранилище. Требовательно обратился к хранителю Кшатр.

– Я не могу этого сделать, так как у меня нет второго ключа для открытия двери лабиринта сокровищ. Второй ключ должен храниться у фараона Египта Птолемея XII. – Напыщенно с высокомерием, ответил жрец, презрительно глядя на пришельца.

«Лукавит, значит, есть второй экземпляр ключей. Те, кто строил лабиринт, наверняка позаботились и об этом». – С горечью подумалось Кшатру, вслух же сказал:

– Сегодня в ночь весеннего равноденствия двадцатого дня месяца Пахон, Птолемей XII будет здесь. Его караван на подходе к оазису. Окажите ему почести достойные его царской особы. И проведите в лабиринт. Покажите все сокровища. Дайте ему возможность пополнять казну, для восстановления могущества Египта. И после того, как место Птолемея XII займет Клеопатра VII, его дочь, не препятствуйте пополнять казну во времена бедствий и ей. Вторая половина ключа, отпирающего дверь в сокровищницу, находится у царя, он взял его в дорогу.

– Ваша бесценная реликвия, о, верховный жрец храма Шивы Натараджа, для нас это божественный знак бога Амона Ра, что дает нам право хранить корону богов. И я, Ур Хем Нетер верховный хранитель храма Оракула в оазисе Сива, обещаю тебе поместить реликвию богов в хранилище. Мы окажем достойный прием Птолемею XII, и его дочери Клеопатре.

Узнав о паломничестве Птолемея XII к Оракулу храма Зевса-Амона Ра, сменил величественную риторику презрения на конструктивный диалог, и уже теплее ответил верховный служитель храма Амона Ра посланнику Кшатру.

– У меня к тебе, о, достойнейший из достойных Ур Хем Нетер, ты тот, кто говорит с богом Амоном Ра, и носит звание Оракула, что дает тебе право вещать от имени самого бога Зевса-Амона. Мне необходимо взять в сокровищнице немного Пищи богов, для поддержания сил фараона, так как я буду следить за его здоровьем в пустыне.

– Я уже говорил тебе, что у меня нет второго ключа от потайной двери к сокровищнице, но у меня есть то, что ты просишь. Сколько тебе нужно? – жрец вопросительно всматривался в глаза Кшатра, ожидая ответ.

– Отвесь мне тридцать шат (мера, равная 7,5 грамм) Амброзии.

Ур Хем Нетер сделал знак служителю. Тот подошел, наклонившись к уху подошедшего служителя, верховный жрец шепнул ему что-то на ухо. Получив указание, служитель удалился. Через некоторое время, вернувшийся служитель вручил мешочек с содержимым верховному жрецу.

– Вот то, что ты просил. – Протягивая мешочек из мягкой кожи Кшатру, сказал Ур Хем Нетер, – Здесь тридцать шат Амброзии, да хранит бог Амон Ра фараона Египта.

Передав Корону богов и с мешочком фискального золота, что в древнем Египте называлось Амброзией, полученного от верховного жреца храма Оракула Амона Ра, Кшатр ступенями лестницы сошел вниз. Там с осликом его уже поджидал служка храма. Он вручил Кшатру узду ослика, низко кланяясь, высказывая этим свое уважение к столь важному гостю. Кшатр увел покорное животное на рыночную площадь и продал ослика, похлопав ладонями его по бокам в последний раз. Новый хозяин спросил:

– Дервиш, ты, что не берешь все свои мешки?

– Там целебные травы и заморский ароматный чай. Разбавляй горячей водой и готовь приятный, утоляющий жажду напиток. Мне уже не зачем. – Ответил Кшатр, снимая с ослика кожаную сумку, полную свертков. – Все остальное, что на нем твое, и чай, и травы.

– Уважаемый здесь чая на целое состояние, я не могу принять столь дорогой товар. – Испуганно проговорил новый хозяин ослика.

– Тебе не о чем беспокоиться я не украл этот чай, Ну хочешь, прими от меня этот подарок, как дань уважения к тебе. Я богатый человек и у меня все есть, пусть будет и у тебя немножко хорошего для души товара, мне от этого будет приятно помнить, что мой ослик в достойных и добрых руках у хорошего человека. – Сказал тепло Кшатр, забрасывая на плечо свою вещевую сумку, и снова обратился к торговцу: – Подскажи, добрый человек, тут можно купить хорошего молодого верблюда?

– Да. Пройдешь базар, за ним будет загон для скота, там торговцы продают хороших вьючных и скаковых верблюдов. Там ты найдешь любого, какой тебе подойдет. – Отвечал новый хозяин ослика, похлопывая животное по бокам.

– Очень признателен тебе, добрый человек. Теперь вижу, что мой ослик в добрых руках.

– Ну, если ты так говоришь, то я приму этот подарок, благодарю тебя. Будь счастлив и всего тебе доброго, добрый человек. Но тех денег, что я дал тебе за ослика не хватит, чтобы купить верблюда, для этого надо иметь целое состояние. – С хитрым прищуром глаз и улыбкой отвечал торговец.

– Не беспокойся у меня достаточно денег для этого. – Спокойно ответил Кшатр. Торговец с удивлением смерил Кшатра с ног до головы, посчитав его ответ дерзостью. Его очень озадачила бедная одежда продавца ослика. Но, тем не менее, он стал пристально следить за Кшатром, наблюдая, в какую сторону тот пойдет. И убедившись, что бедный продавец ослика двигается в сторону загона для скота, сделал знак наблюдавшими за ним людьми. Те устремились следом за человеком, желающим купить верблюда.

Кшатр внимательно осмотрел продающихся верблюдов, расспросил продавцов, как часто тут покупают вьючных животных. Продавцы ответили, что в оазис прибывают караваны, которым нужны молодые и здоровые вьючные животные и, что это не является проблемой для этих мест. Кшатр разговаривая с продавцами, обступившими его со всех сторон, заметил нескольких человек, что пришли за ним и молча, стояли поодаль. Решив, что здесь всегда можно купить хорошего вьючного верблюда, он ушел из базарной площади.

Кшатр покинул столицу оазиса Сива Агурми, шагая пустыней навстречу предполагаемого движения каравана фараона. Он некоторое время, наблюдал за вереницей верблюдов, двигавшихся к Агурми, затем повернулся к стоявшему рядом с ним летательному аппарату. Вошел в него. Через несколько мгновений огромная летающая тарелка взмыла в небо и растворилась там, превратившись в невидимую точку....

Клеопатра, сидя в седле верблюда, убрала занавески с навеса. В нетерпении вглядываясь в мгlistую даль простирающихся барханов, стараясь первой увидеть земли оазиса. Внезапно в сизой синеве неба вспыхнулАяркая вспышка и молнией пронзила небо. Она быстро соскочила с верблюда и опрометью метнулась к лошади, на которой ехал фараон. Водитель каравана остановил верблюдов, все замерли в суеверном страхе, ожидая, что скажет фараон.

– Отец! – выкрикнула принцесса, приблизившись к Авлету, – Зевс- громовержец подает нам знак, ты видел молнию, что звездой пронеслась над барханами?! – возбужденно проговорила Клеопатра.

– Я не слышал грома, значит это добрый знак. Зевс-Амон Ра подал дружественный жест нам. Это значит, что мы под его полным покровительством и, что мы на правильном пути, дочь моя. Иди, тебе не о чем беспокоиться мы скоро будем в Агурми.

Клеопатра, ободренная словами Птолемея, с помощью проводника, уселась под навес в седло верблюда, и караван двинулся дальше. Вскоре за барханами у горизонта возникли пучки зеленых верхушек финиковых пальм. Путь каравана близился к концу.

На исходе дня в окрестностях оазиса появился караван фараона...

Кшатр явился к Верховному Куратору Солнечной системы с отчетом проделанной работы по фараону Птолемею XII и его дочери Клеопатре. Войдя в резиденцию Куратора, он направился, под неусыпным сопровождением роботов охраны, к приемной. Перед Кшатром открылись створки двери, пропуская жреца внутрь приемной. Невидимая преграда остановила Кшатра, и сразу же он увидел на себе тонкую вязь лучей сканирующего устройства, что скользили по нему, выискивая вредоносные вирусы и нежелательные предметы, что могут принести вред. Когда подозрительного ничего найдено не было, невидимая стена исчезла, и Кшатр прошел к двери кабинета. Как всегда, за своим столом из зеленого полупрозрачного камня сидел Куратор с приветливой улыбкой.

– Приветствую тебя Верховный Куратор Тео! Прибыл с оазиса Сива, доложить о выполненном задании.

– Приветствую, Жрец Кшатр. Я знаю все, что ты проделал и выношу благодарность.

– Рад служить Галактической Коалиции во имя процветания Земли и Солнечной системы.

– Птолемей получит смертельную дозу облучения радиоактивным излучением Черной Короны. Тебе предстоит уберечь его жизнь, как можно дольше.

– Зачем, Ваше Верховенство, Коалиция решила на этот шаг?

– Птолемей XII не зря носит прозвище Авлет. Он не столько правитель, сколько артист. Надежда Египта в сильном правителе и этим правителем будет Клеопатра. А угасание ее отца на ее глазах будет сильным стимулом впитать в себя знания искусства управления огромной страной. Сохранить самостоятельность на уровне могущества Рима. Я вижу в юной принцессе и ум, и силу воли, и мужество сильной правительницы в сохранении потомков цивилизации Фаетона.

– Что мне предстоит далее? – спросил Кшатр.

– Вернетесь к Птолемею как Знахарь. Продлите его жизнь на столько, на сколько это станет возможным после этого его облучения Черной Коронай....

Глава пятая

– Его необходимо остановить! Поход в Индостан погубит Александра Великого. – Сказал верховный жрец храма бога Мардука. – Мы, совет старейшин верховного храма бога Мардука в столице Персидского царства собрали вас здесь. Вавилон примет вас мудрейших из мудрых. Вас, прибывших с четырех концов земного шара, чтобы воплотить в жизнь важнейшее решение. Как остановить кровопролитие и страдания покоренных завоевателем народов, в том случае если он погибнет на пике своей славы? Неминуемо последуют распри и междоусобицы в покоренных им землях. Говори ты волхв из северных широт.

– Мы придерживаемся мирных и благородных деяний. И никогда не пойдем на действия, приносящие вред человеку. Я не желаю Александру Великому зла, одно лишь могу сказать, что самый страшный его враг это грехопадение. Грех может убить. Мне жаль славного непобедимого полководца. Я закончил. – Мудрец склонил седую голову в знак скорби, опираясь двумя руками на посох. Его длинные седые волосы рассыпались прядями по плечам, на серой ткани плаща, длинная седая борода укрыла руки, спадая вдоль посоха.

– Что скажешь ты, мудрец из запада? – сказал жрец в белом арабском балахоне из мягкой льняной ткани, повернув бритую голову к халдейскому мудрецу.

– Мы хранители знаний нашего народа не желаем зла никому из людей. Также, как и мудрец из северного края я склоняюсь к тому, что только грех может принести Македонскому смертельную опасность. – Сказал мудрец, трясая черной, как смола, бородой, укрытый черным плащом с капюшоном, накрывающим его голову.

– Что скажешь ты, верховный жрец с Востока? – с этими словами жрец храма Мардука повернул свою бритую голову к мудрецу с Востока.

– Мне оказана великая честь, принять участие в тайном собрании величайших из великих мудрецов, пришедших с Севера, Запада, и Юга. Что ж, да услышит и мой голос бог Шива Натараджа, уничтожающий асуров и демонов своим танцем Тандаву во время весеннего солнцестояния, для очищения ауры мира от накопленных грехов человеком. Да поможет великий бог Шива и Александру, величайшему из великих полководцев мира устоять от грехопадения. – Сказал жрец храма Шивы Натараджа из Индостана. Он в одежде индийцев, казался совсем щуплым. Его не высокий рост, как у подростка, огромные карие глаза, с умным и серьезным взглядом, выдавали в нем человека, умудренного, жизненным опытом смотрели на жреца.

– Что ответишь ты, мудрец Южных широт? – обратился спрашивающий к мудрецу индейцу с орлиным носом и украшением из перьев на голове. Седые волосы индейца с висков спускались к плечам заплетенные в две косы.

– Духи моего древнего народа Майя и духи наших мудрецов говорят мне, что только безгрешные и чистые деяния Александра Македонского могут помочь ему прожить долгую и полную созидания насыщенную благими намерениями жизнь. Однако человек не безгрешен. Его погубит грех. Я сказал все.

– Итак, как быть? – задал вопрос жрец храма Мардука.

– В нашем храме Шивы, хранится Черная Корона богов. – Взял слово верховный жрец храма Шивы Натараджа, мудрец с востока. – Александр выступит на завоевание Индии, соблазнившись короной, дающей власть над миром, тому, кто осмелится водрузить ее на свою голову.

– Прежде он войдет в Египет. – Стал говорить мудрец из Запада. – Там Оракул храма Амона Ра в оазисе Сива провозгласит его сыном бога Зевса-Амона Ра и это даст силу завоевателю и уверенность в своей непобедимости. Он выступит на завоевание Индии, чтобы стать властелином мира на себе примерит Черную Корону богов. Но корону может надеть на свою голову лишь тот, у которого течет в жилах кровь богов. Сыны смертных не могут без негативных последствий для себя даже прикоснуться к Черной Короне.

– В Индостане распространяется эпидемия малярии, стал говорить мудрец с Юга. – Он заболел этой болезнью, надо бы полководца предупредить об этом.

– Вернувшись с Индии, Александр будет пировать, и наслаждаться всеми соблазнами, какие только доступны человеку, имеющему все для выполнения любого желания. От этого у него резко понизится иммунитет, и малярия может убить его – Стал говорить с грустью волхв, – Я не желаю ему смерти всем сердцем. Но помочь не в силах, так как он не выслушает меня и не примет мой совет не вторгаться в Индию.

– Что ж, да будет так, ибо от судьбы не сможет уйти никто. Чему быть тому не миновать. – Завершил свою речь жрец храма Мардука. Он распрощался с мудрецами, проводив всех к летательному аппарату, ожидавшему мудрецов на внутреннем дворе храма. Кшатр, управляя летающим диском, доставил каждого из них в свои обители....

Солнце еще сияло над далекими барханами и верхушками финиковых садов, когда на террасу храма вышел верховный жрец святилища Амона Ур Хем Нетер. Он приложил ко лбу ладонь и стал всматриваться вдаль. Там, вереницей, сродни брошенными богом на барханы песков бусинами четок, растянулся караван, что двигался к оазису.

– Твой путь уже близок. – Сказал вслух жрец, повернулся к проему двери, ведшей в святилище, и скрылся там, чтобы подготовиться к церемонии встречи фараона....

Клеопатра, измученная длительным переходом, уже не могла сидеть в седле верблюда и в нетерпении прыгнула на мягкий песок, подошла к отцу.

– Я увидела вдалеке зелень финиковых садов, закрывающих почти весь горизонт. А посередине, этой зелени, возвышается строение храма на скале. Мне просто не верится, отец, что путь наш скоро закончится.

Птолемей с отцовской нежностью смотрел на дочь, как они были похожи характерами. Как и она, он не смог усидеть в седле, когда увидел первые верхушки пальм, слез с лошади. Неспешной ходой двигался вместе с караваном, как простой погонщик верблюдов.

– Нам предстоит встреча со жрецами храма Амона Ра, прежде чем мы уйдем на отдых. А ночью я войду в святилище к Оракулу, чтобы спросить, что ждет нас?

– Отец ты возьмешь меня с собой? – настороженно спросила Клеопатра.

– Да, я возьму тебя с собой, даже если это нарушает каноны святилища Амона. Мы все равно войдем туда вместе, потому, что ты будешь править Египтом после меня.

Птолемей посмотрел вдаль, на различимые уже стволы пальм и стены, возвышающиеся на скале храма.

– Отец, скажи, ведь не зря ты проделал такой непростой путь, чтобы только спросить Оракула о нашей судьбе? Что на самом деле заставило тебя сделать этот переход?

– Черная Корона богов из храма в Индии, утерянная реликвия из сокровищницы Александра Македонского, доставшаяся ему как военный трофей. Корону богов он завещал положить вместе с ним в саркофаг.

– Как же она могла оказаться у жрецов храма Амона здесь в сердце Ливийской пустыни Сахара? – с любопытством спросила принцесса.

– Все в свое время дочь. – Ушел от ответа фараон. – Я привел тебя сюда, чтобы ты многое узнала, что даст тебе власть и могущество управлять Египтом, когда меня не станет.

– Отец, ты еще молод и полон сил, а так часто говоришь мне о моем правлении. – Озабоченно сказала Клеопатра.

– После нашего изгнания, как воронье налетает на тело раненного воина, стая грабителей римлян всех мастей набросились на Египет, нам надо быть готовым ко всему, чтобы не случилось. – Со вздохом отвечал дочери Авлет.

Панорама пальмовых садов открылась взору каравана буйной растительностью и синевой крупных озер. Местность спускалась отлого, образуя широкую долину вокруг скалы, на

которой воздвигнут храм Оракула Амона Ра, как будто парящий над вершинами финиковых пальм и оливковых деревьев.

Пески постепенно сменялись каменистой почвой, и буйные финиковые и оливковые сады уходили за горизонт. Приближаясь к садам, пальмы уже почти совсем скрывали храм, своими верхушками.

Между двумя садами финиковых пальм на пути каравана, неожиданно возник огромный круглый бассейн, выложенный тесаными камнями, со ступенчатой лестницей, спускавшейся прямо в воду. Солдаты охраны, привязывали своих лошадей к пальмам, и в одежде стали кидаться с берега прямо в воду. Некоторые из них не умели плавать, и шли ко дну, взывая о помощи. Товарищи помогали им выбраться на берег. Стояло невероятные, радостные крики от райского блаженства омовения прохладой воды.

Птолемей с дочерью стояли на плитах берега бассейна с улыбками на лицах. Клеопатра вдруг сняла с себя синюю паранджу, оставаясь в одной белой тунике, сбежала по лестнице в бассейн и стала с визгом и смехом прыгать в воде бассейна. Два охранника стоявшие по обе руки фараона, с напряжением наблюдали за принцессой, грозя солдатам, чтобы не смели приближаться к царской особе. Наконец солдаты заметили Клеопатру. Они стали выбираться из воды на каменные плиты противоположного берега и выкрикивать так, чтобы фараон слышал их:

– Слава богу, Амону Ра, пославшему нам бассейн принцессы Клеопатры!

Принцесса услышала свое имя в египетском наречии, прокричала в ответ:

– Мир народу Египта и процветание, да будет вам!

Она выбралась из воды, и, подойдя к отцу, сказала:

– Я такого блаженства, как здесь в этих водах бассейна, названного народом именем моим только что, не ощущала еще никогда. Поистине надо пройти пустыней, чтобы окунуться в эти божественные воды, дающие исцеление упадку сил от песчаного ада.

Фараон снисходительно повернул голову к дочери и величественно ответил:

– Идем, нас ждут жрецы святилища Оракула. – Сказав это, Птолемей повернулся в сторону города, через который фараону и дочери необходимо было пройти в сопровождении двух охранников к храму. Клеопатра отдала паранджу рабыне, что служила ей в пути, а сама в мокрой еще тунике последовала за отцом к столице оазиса Агурми.

Солдаты охраны были заняты с представителем местных чиновников, который занимался размещением каравана и устройством ночлега.

Дорога опять пошла вверх, и крыши домов уже были видны поверх высокой городской стены. От бассейна Клеопатры садом финиковых пальм фараон с дочерью в сопровождении двух охранников неторопливо шли к городской стене, по дороге, утопанной ногами сборщиков фиников и оливок с садов, что растут по ее обе стороны. Ранее провели лошадей и верблюдов каравана, обустроивая их на отдых, пока солдаты и Клеопатра плескались в бассейне. Фараон с сопровождающими вошли в широко открытые городские ворота, искусно сделанные из пальмового дерева и раскрашенные в синие цвета. Все дома были сделаны из глиняной смеси соломы с навозом, что становилась твердой на солнце как скала. Дорога вела к площади, где паломники увидели перед охапками сена, медленно жевали пищу верблюды. Рядом на привязи фыркали лошади охраны. Кожаные мешки с овсом закреплены у лошадиных ртов.

Дорога становилась все круче, пока не уперлась в высокую стену храмового комплекса, что начиналась справа и слева от широкой лестницы, которая вела на террасу у входа в святилище Оракула.

Фараон с дочерью прошли через открытые створки ворот и ступенями широкой лестницы поднялись к террасе, где одиннадцать жрецов в белых льняных и длинных до пят одеждах встретили их. Справа и слева выстроившихся жрецов два служки кадилницами с дымящимся фимиамом время от времени менялись местами, окуривая дымом кадилниц их ряд.

В середине стоял верховный жрец храма Зевса-Амона Ра. Его белый балахон был с богатой вышивкой отделанной золотыми нитками у пят вокруг. У всех без исключения жрецов были бритые головы и подведенные тушью глаза.

Фараон с дочерью остановился перед верховным жрецом, два охранника за спиной. У ног верховного жреца стояла корзина с финиками, а в руках чаша наполнена водой.

– Что привело тебя к Оракулу Амона, божественный наместник бога на земле? – торжественно изрек жрец.

– То, что даст моему народу процветание, а фараону могущество с благословения Зевса-Амона Ра!

– Приходи сегодня ночью в полнолуние. В день весеннего солнцестояния Оракул откроет тебе все тайны и даст тебе бог Зевс-Амон Ра все, что ты попросишь у него с чистыми руками. – Сказав это, жрец протянул Птолемею XII чашу с водой. Фараон окунул в воду фаланги пальцев обеих рук, подержал несколько мгновений в чаше, затем медленно вынул. Служка подал фараону ткань мягкого льна, и вытер ему руки. Жрец протянул чашу принцессе. Клеопатра макнула свои пальцы и второй служка, что стоял с тканью мягкого льна рядом с ней вытер ее руки. Верховный жрец передал чашу служителю храма и поднес корзину с финиками к фараону. Авлет взял один финик, надкусил сочный и сладкий плод, надкушенный положил обратно в корзину. Жрец подал финики Клеопатре. Принцесса съела финик целиком, косточки положила в корзину.

После этой церемонии жрец, обращаясь к фараону, сказал:

– Законы гостеприимства святы на этой благодатной земле. В твоём шатре ты найдешь все необходимое для отдыха и обеда. Это твоя земля и ты на ней хозяин. – Сказав, жрец поклонился фараону, что значило окончание церемонии. Жрецы повернулись, один за другим. Во главе верховного жреца процессия медленно скрылась в святилище храма Амона Ра.

Фараон с дочерью и двумя охранниками ступенями лестницы сошли вниз. Тяжелые створы ворот были полуоткрыты. Они вышли на улицу города и ворота за ними закрылись.

Фараон усталой поступью шел по узким городским улицам, вдоль тесно прилегающих домов друг к другу глиняными стенами. Однообразные глиняные постройки с плоскими крышами с зияющими квадратными окнами представляли собой архитектуру Агурми столицы оазиса Сива. Кое, где окна были завешены разноцветными тканями. Сумерки опускались на город, когда фараон вышел на площадь, где уже высился белым кубом из плотной грубой ткани его шатер с развивающейся на шесте пентаграммой, символа власти фараона Птолемея XII. Невдалеке располагались солдаты из охраны. Каждый из них расстилал циновки на глиняной земле площади города, подкладывая под голову седло привязанных к длинному бревну-привязи лошадей. Верблюды в отведенном для их ночлега месте неспешно жевали сено. Погонщики верблюдов укладывали себе под головы, вместо подушек, тюки сена, переговариваясь между собой с улыбками. Настроение у людей из каравана было приподнятым, так как быть участником паломничества фараона к Оракулу храма Зевса-Амона Ра в оазис Сива для каждого из них было почетным событием и давало привилегии семьям. Всюду горели костры, люди готовились к ужину и ко сну.

Глава шестая

Авлет, войдя в шатер, устало опустился на табурет из пальмового дерева.

– Господин, желаете принять ванну, вода снимет усталость и взбодрит ваши члены? Я приготовила вам теплую воду и свежую одежду. – Заботливыми словами встретила Авлета молодая и красивая рабыня-служанка.

– О, Анатолия, как я благодарен тебе. Твоими заботами путь мой к Оракулу был легким и быстрым. А, что Клеопатра?

– Она уже плескается в теплой походной ванне из кожи бегемота.

– Пожалуй, и мне пора совершить омовение.

Авлет налил себе кубок виноградного красного вина, из местных виноградников, жадно осушил его. Затем снял пыльную одежду, тюрбан с головы и в одной набедренной повязке влез в деревянную бадью из клепок пальмовой древесины, стянутых медными обручами, с теплой водой. Служанка, тем временем, сгребла в охапку пыльную одежду фараона и отнесла рабыням-прачкам. Завтра выстиранное белье в озере с чистой пресной водой под палящими лучами солнца оазиса быстро высохнет.

Птолемей с наслаждением вымылся, смывая с себя вместе с пустынной пылью усталость пути. Вино, и теплая вода, навеяли приятную сонливость. Хотелось поскорее лечь в постель и ни о чем не думать, забыться сном. На мгновение Авлет потерял чувство реальности, забыв о том, почему он здесь, и что привело его сюда. Укладываясь в постели удобнее, амулет на его шее, вдруг свалился с груди и уперся острым изломанным краем в правый бок. Авлет поневоле вздрогнул, рукой коснулся металлического стержня, водрузил амулет вновь на грудь. В это время в шатер вернулась Анатолия и направилась в зашторенную половину шатра принцессы. Фараон позвал рабыню.

– Я слушаю, тебя, повелитель? – быстро повернулась к нему Анатолия, подошла к постели фараона.

– Когда взойдет луна, меня и Клеопатру разбудишь и подашь нам одежды. Мы должны сегодня быть в храме Амона.

– Я выполню вашу просьбу о, божественный царь наш! – сказала она, низко кланяясь при этом, и ушла за штору к принцессе.

Когда луна вошла на небосводе, и ее бледное яркое сияние разлилось по вершинам садов оазиса, засверкало на глади водоемов, таинственным светом осветило строение величественного храма Зевса-Амона Ра на возвышенности скалы, Анатолия мягкими неслышными шагами подошла к Птолемею. Его дыхание доносилось до рабыни, мерным сопением крепко спящего человека. Она несколько мгновений стояла перед ним, не решаясь будить. Мысли роем неслись в ее голове, и все ободном, есть ли смысл будить измученного переходом пустыни царя? А, что если дать ему выспаться и не мучить пробуждением? Застыв в нерешительности, она вдруг взвизгнула, ощутив легкое прикосновение, чьей-то руки у себя на плече:

– О! Боги, кто это?!

Вскрикнув, она резко повернулась. Неведомым пришельцем, до смерти напугавшим рабыню, оказалась Клеопатра, которую Анатолия увидела перед собой уже одетую в длинную синюю одежду женщин Аммонии. Авлет резко вскочил, хватаясь за короткий меч, что лежал на табурете возле его ложа. Когда он понял, кто рядом, сел на постели, отложив меч на табурет.

– Анатолия, ты меня так больше не буди! – сказал Авлет, смеясь. – Могла сбежаться сюда вся моя охрана!

Фараон уже серьезно взглянул на дочь: – Мы выйдем тайно через секретный ход в шатре. Таким же путем и вернемся. О нашем посещении храма Амона Ра в эту ночь никто не должен знать ничего. Только днем прилюдно совершим посещение храма.

Сказал Авлет дочери, затем перевел взгляд на служанку.

– Анатолия, о нашем с принцессой посещении храма в эту ночь, под страхом смерти, никто не должен знать! – строго предупредил. Служанка бросилась на колени.

– Я клянусь тебе повелитель, и богами Олимпа, никто ни сном, ни духом не узнает об этом. – Запричитала Анатолия, низко кланяясь к ногам Авлета, который уже поднялся с постели. Фараон, облачившись в одежду, состоящую из длинного белого платья, с широкими рукавами инкрустированного дорогой вышивкой, и водрузив на голову белый платок, придерживаемый черным шерстяным ободом, сказал дочери:

– Ты готова?

– Да, отец.

– Идем, Анатолия закрой за нами выход.

Они вышли на залитую лунным сиянием площадь. Авлет на мгновение замер, прислушиваясь. Вокруг стояла тишина, стоны верблюдов, редкое фырканье лошади, да отдаленный лай собак вдалеке, нарушали покой ночи. Не создавая шума, фараон с дочерью неслышными шагами двинулись улицей в сторону храма. Снизу были видны только стены, поднимавшиеся, казалось, к звездам. Тяжелые створки ворот, ведущие к широкой храмовой лестнице, были плотно закрыты, когда фараон с дочерью подошли вплотную к этой стене в пять человеческих ростов, выстроенной вокруг храмового комплекса. Птолемей крайне был удивлен и озадачен. Освещенные лунным сиянием, как днем, ворота были залиты лунным светом, словно молоком. Синий цвет, в который они были окрашены, не виден в лунном свечении, лишь небольшой квадрат смотрового оконца чернел на правой створке ворот. Авлет подошел к этому квадрату, заглянул внутрь сквозь черноту выреза.

– Ты кто пришелец? С добром пришел, со злом, или с жертвоприношением к Оракулу храма Зевса-Амона Ра? – донеслось к слуху Авлета.

– Я тот, кого призвал Оракул устами верховного жреца храма бога Амона Ра в эту ночь весеннего равноденствия. – Торжественно отвечал фараон. Клеопатра трепетала от возбужденного любопытства узнать тайны пророчеств Оракула. С замиранием сердца она стояла за спиной отца, боясь выдать свое присутствие тому, кто был там за стеной храма. Между тем диалог продолжался.

– Чем докажешь, что ты есть тот за кого себя выдаешь?

Авлет, силой воли сдерживал гнев, чтобы не выкрикнуть нелицеприятное тому, кто за створками ворот позволяет себе подобное сказать фараону Египта. Затем благоразумие возоблагодало им, Авлет вспомнил об амулете, что ему принес Кшатр.

– У меня есть тайный знак, что даст войти в храм. – Он вытащил из одежд нагрудный символ и показал говорившему служителю. В сиянии лунного света в черноте квадрата появилась рука с другим амулетом.

– Приблизь свою часть амулета к полукругу этого, что я показал тебе. – Сказал голос. Авлет выполнил просьбу говорившего служителя и прислонил свой амулет встык. Половинки сошлись, было видно, что эти разобщенные металлические изделия были, когда-то одним целым. Рука с амулетом исчезла в смотровом оконце и вслед за этим створка ворот скрипнула, отворяясь.

– Входите. – Сказал голос.

Фараон с дочерью вошли. Створку закрыл служитель храма на засов и повернулся к фараону лицом. Перед Птолемеем XII стоял Ур Хем Нетер верховный жрец храма Зевса-Амона Ра.

– Знаю, – начал говорить жрец, – в недобрый час для народа Египта явился ты за советом к Оракулу Зевса-Амона Ра. Но такова воля богов. Если бы это противоречило их замыслам, боги не допустили бы тебя к их сокрытым тайнам и путь твой закончился б в пустыне. Следуй за мной фараон двенадцатый из колена Птолемея Лага, давший начало династии унаследовавшие власть над Египтом от Александра Великого.

Жрец медленно, неторопливой походкой двигался широкой лестницей к входу в святилище храма Амона Ра.

Когда поднялись на террасу, отсюда открывалась сказочно прекрасная панорама на оазис. Всюду, куда устремлялся взгляд, виднелись сады из пальм и деревьев. Как серебряные щиты в лунном свечении блестели озера. Пустыня под полной луной казалась застывшим морским волнением, что вдруг в одно мгновение, по воле богов замерло в ожидании команды бежать волнам, гонимым ветром.

– Какая сказочная красота вокруг! – с восхищением сказала Клеопатра. Но, на ее слова, ни жрец, ни фараон отец, не проронили, ни слова. Они, молча, вошли в первый зал, посреди которого большой лампадой стоял канделябр из золотых веток дерева на стойке из черного мрамора. В золотых чашках, что были закреплены на каждой из одиннадцати ветвей, в желтом масле плавал фитиль из виссона.

– Каждый огонь на ветвях символ нашего служения богу Амону Ра здесь в жилище Оракула. И если один из огней гаснет, это значит, что бог забрал к себе в небесную обитель одного из нас и надо искать достойного служению богу Амону, чтобы заменить ушедшего.

Фараон с дочерью последовали за верховным жрецом в дверь, ведущую в следующий зал. Это было такое же по величине с квадратными стенами помещение, посередине стоял массивный алтарь с золотыми рогами по углам. Справа и слева к бокам алтаря приставлены кубические подставки для удобного жертвоприношения. Жрец подошел к небольшой нише в стене, где стояла чаша полная какого-то серого порошка. В свете светильников, что горели в четырех углах комнаты, было видно, как из середины алтаря поднимается струйка дыма. Жрец, держа на вытянутых руках, поднес чашу, к жрецу, предлагая Птолемею совершить жертвоприношение богу Зевсу-Амону Ра огнем. Фараон взял щепотку порошка, подошел к алтарю и бросил порошок в центральную часть, откуда выходила струйка дыма. Внезапная вспышка Аяркого огня с алтаря осветила комнату. В помещении запахло фимиамом и воском. Затем жрец поднес чашу Клеопатре, и принцесса повторила действие за отцом, бросив щепотку порошка на алтарь. Когда вспышка огня осветила комнату, жрец медленно водрузил чашу с ароматным порошком в нишу.

За алтарем в стену вделаны три прохода, на которые указал жрец.

– Идите в центральный проход. Он приведет вас в святилище Оракула Зевса-Амона Ра. Там задайте богу ваши вопросы. Затем вернетесь сюда к алтарю. Я проведу и открою вам хранилище.

Трепеща от волнения, охватившего юную принцессу, Клеопатра шла следом за отцом, глядя в перламутровую мозаику пола коридора отсвечивавшейся всеми цветами радуги в свете переносной лампы, которую нес впереди себя Птолемей. Пройдя длинным коридором, они вошли в такой же зал с выстланным ромбовидным перламутром полом. В четырех углах на стойках их черного мрамора стояли золотые чаши, наполненные желтым маслом, в котором плавали зажженные фитили. Свет от этих светильников бликами падал на высокую статую гиганта с человеческим лицом и желтыми глазами с черными прорезями вместо зрачков. На его голове были огромные бараньи рога, загнутые назад. Мощная грудь и сильные мускулистые руки тянулись вдоль туловища с плотно сжатыми кулаками. В бликах светильников статуя, казалось, ожила и смотрела желтыми глазами на Клеопатру, повергая принцессу в дрожь. До этого самого момента, принцесса видела изображения божества Амона Ра на росписи стен во дворце, в книгах Александрийской библиотеки, и старинных папирусах, описывающих жизнь первых фараонов Египта. Но увидеть в священном месте Оракула самого Зевса-Амона вызвало в ней странное ощущение реальности. Ей вдруг показалось, что расписных стен святилища, барельефов и светильников под ними не существует вовсе. Что стены и потолок в помещении заменилось бесконечным пространством, посреди которого, застыл могучим колосом, бог Амон Ра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.